

ПРОЗА НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Герман
Садулаев

ИВАН
АУСЛЕНДЕР

Роман
на пальмовых листьях

Издательство
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6
С14

Художественное оформление Ирины Сальниковой

Садулаев, Герман Умаралиевич.
С14 Иван Ауслендер : роман на пальмовых листьях / Герман Садулаев. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2017. — 416 с. — (Проза нашего времени).

ISBN 978-5-17-099146-4

«Иван Ауслендер», новый роман *Германа Садулаева*, талантливый постмодернист, финалиста премий «Русский Букер», «Национальный бестселлер», «Большая книга», — это полный сарказма и неожиданного тонкого лиризма интеллектуальный палп-фикшн о 2010-х годах, русской интеллигенции и поиске себя. Средних лет университетский преподаватель поневоле оказывается втянутым в политику: митинги, белые ленты, «честные» выборы... На смену мнимому чувству свободы вскоре приходит разочарование, и он, подобно известным литературным героям, пускается в путешествие по России и Европе, которое может стать последним...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-099146-4

© Г. У. Садулаев, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Оглавление

Псалом Аль-Фатиха

7

СВЯЗКА ПЕРВАЯ. БЕЛАЯ ЛЕНТА

Лист I. Начало

13

Лист II. Genesis

18

Лист III. Meeting

26

Лист IV. Женщины

31

Лист V. Слава

38

Лист VI. Дорога

54

Лист VII. Оргкомитет

70

Лист VIII. Семья

77

Лист IX. Шествие

89

Лист X. Настоящая слава

101

Оглавление

Лист XI. **Воскресенье**

116

Лист XII. **Выбор**

137

Лист XIII. **Холод**

150

СВЯЗКА ВТОРАЯ. ПРОЩАЙ, МЯСО!

Лист I. **Пристань**

161

Лист II. **Опегин**

169

Лист III. **Брехт**

177

Лист IV. **Жилин**

187

Лист V. **Архангельск**

202

Лист VI. **Женева**

218

Лист VII. **Будущее**

273

Лист VIII. **Лейбниц**

281

Лист IX. **Учитель**

287

СВЯЗКА БОНУС. ШРИ АУСЛЕНДЕР

Веданта

299

Оглавление

Кена?

305

Двиджа

312

Вина

323

Вера

328

Время

337

Майя

345

Между двух армий

355

Метемпсихоз

367

Этика

380

Проповедь

386

Есть ли жизнь после смерти?

403

Псалом Аль-Фатиха (Открывающий)

Господи, с нами ли Ты? Ты отдал нас в руки врагов наших, и жён, и скот, и детей. Они пребогаты и многовластны, разбивают на завтрак ложечкой яйца несчастного Фаберже и мечут икру чёрную в золотой горшок ночью. Они же перстнями унизаны, коляями окручены, камнями ясными усыпаны, у них дворцы морские и вертолётты, охрана с бердышами и тигр ручной. У них земли и подземелья, горы и реки, небо и облака; всё ихнее, нашего нет и чтобы малый разбём воткнуть. Где же Ты, Господи? Где око Твоё?

Иные говорят, что Тебя нет. Что Ты спишь, или вышел покурить, или улетел в отпуск на Гоа: на Гоа ли Ты, Господи? Правду говоря, если Ты конкретно Тот, который тут за всё отвечает, то для Тебя самого было бы лучше, чтобы Тебя не было, Господи. Боже мой.

Ты так редко звонишь, почти не пишешь, хотя, казалось бы, чего тут трудного: я ведь есть и в «Фейсбуке», и на сайте «ВКонтакте», и в «Одноклассниках» у меня аккаунт. И везде я Тебя френджу, Тебя одного, Господи! Потому что я жду Тебя. Только Тебя я жду. Написал бы мне, Господи: привет! Помнишь меня? О, да! Я помню Тебя, Господи!

А Ты?

Вспомни, Господи, когда Ты в последний раз дарил мне цветы? А день рождения? Скажи, разве Ты забыл? Нет? Тогда почему, Господи, почему Ты один не поздравил меня в мой день рождения: все поздравили, столько было звонков и коротких текстовых сообщений, что я даже отключил перегретый сотовый телефон, а некоторые пришли, и мы всё говорили о Тебе, Господи, мы ждали, что Ты придёшь, но Ты не пришёл, Ты даже не прислал смс! Хотя мог бы отправить и правительственную телеграмму, если бы только захотел, ведь Ты всемогущ, Господи. Или уже нет?

Если Ты меня любишь, если Ты ещё любишь меня, Господи, дай мне знак! Give me a sign! Hit me baby one more time! Ударь меня, Господи! Сделай мне больно – так, как Ты можешь. Я хочу эту сладкую боль, Ты ведь понимаешь, о чём я. Но не оставь меня покинутым, одиноким! В пустыне мира не оставляй меня, Господи!

Господи! Из России взываю к Тебе: Ты ведь знаешь, что это за место. О, это тёмное место, глубокое. Здесь Тебя постоянно хоронят и вбивают в могилу крест. Крест золотой, крест высокий. Зайдёшь в склепы Твои, а там тебя отпевают, кадилом машут, кру-

Герман Садулаев

гом идут. Но знаю я, что Ты, Господи, живой, Бог живой Ты! Только бросил нас, загулял, что ли.

А вот мы и жиром, и туком тучным, и миррой воскурим, и сомы вольём в огонь, и гхи – суаха! Господи, нравится Тебе? Оборотись к нам, Господи!

О Боже, Боже, знаю: не тучен наш тук, и мирра наша скудна; огонь наш жертвенный – с язычок за-жигалки. Куда нам до вечных факелов газовых месторождений! Потому ли Ты отвернулся от нас? Правда ли, что Ты всегда на стороне больших батальонов? Где же нам взять; наши батальоны малы, недоукомплектованы.

И не говоришь с нами: им же пишешь и в «Твиттер», и на электронную почту каждый день; а они смеются над Тобой и отправляют Твои послания в спам!

Что же Ты, Господи, любящих Тебя отвергаешь и отвергающих Тебя привечаешь? Что же Ты покинул народ свой, племя своё изгнал из чертогов света? Кого же Ты поселил? Боже мой. Рыла хуже свиных, кожа сальная, глазки мелкие бегают туда-сюда, а мошна-то набита! Мошонка туга! Злые, сильные, без милости. Жадные и прожорливые. Вот орден Твой, Господи! Опричнина. Самому-то не тошно?

Мы же с молитвами к Тебе, и книги Тебе, и псалмы, и гекзаметром, и добрыми помыслами к Тебе, в эфире распространяемы как Wi-Fi. Мы верные джедаи Твои! И что, где мы? Смотрим окрест и вопием: Господи! С нами ли Ты? С нами ли Ты, Господи?

Или Ты с ними?

И далее.

Связка первая
Белая лента

Лист I

Начало

Иван Борисович Ауслендер попал в большую политику совершенно случайно. Когда страна забурлила протестами, словно желудок солдата, с голодухи переешшего гороховой каши (вернее, забурлило только в двух-трёх больших городах, но взгляду рассерженных горожан так и представлялось, что вся Россия вот-вот возьмётся за дубьё и пойдёт колошматить внутреннего француза), студенческие активисты обратились к коллеге Ауслендера, профессору филологии Рюрику Иосифовичу Асланяну, с просьбой выступить на революционном митинге. Профессор был американист, большой знаток Генри Миллера и по убеждениям анархист, чего не скрывал даже от ректора; но всё

ему прощалось за богатую родословную и сумасшедшую популярность у юных филологинь (даже на факультативных спецкурсах аудитории ломались от добровольных слушательниц, втайне соблазнённых сомнительной перспективой транслировать в будущее ценный интеллектуальный генофонд). Профессор носил на тощем теле красные свитера и зелёные джинсы при синих тапках: всё выглядело очень демократично — для тех, кто не знал, что вещи куплены за немалые деньги в брендовых магазинах Нью-Йорка; для тех, кто знал, это было ещё привлекательнее. Профессор воплощал тип модного левого интеллектуала, столь распространённый в кампусах Восточного побережья Америки и в старой Европе и столь дефицитный в нашей несолнечной Северной и бывшей (как брошенный любовник) столице, средоточии университетов скучных и бесполезных, не имеющих ни собственных клубов регби, ни групп девичьей поддержки. Аслянян был настолько крут, что лечился у настоящего психоаналитика и глотал горстями антидепрессанты прямо на лекции, запивая минеральной водой *Perrier*, бутылочку которой всегда носил в своём потрёпанном вьетконговском рюкзаке. В общем, профессор был настоящим идиолом для всех городских хипстеров и тех, кто знал, что значит это слово, — иначе говоря, для прогрессивной молодёжи. А поскольку Рюрик Иосифович олицетворял тонкий, но бескомпромиссный

протест и был бунтарь по натуре, то студенты решили, что он если не возглавит, то облагородит уличные акции высоким пафосом интеллектуального бунта.

Но искренние поклонники своей просьбой поставили профессора в неловкое положение: с одной стороны, прямо отказать было неудобно, с другой стороны, лозунг «за честные выборы», под которым проводился очередной митинг, был для Асланяна парадигматически не актуален — какая разница, если в обществе спектакля публика всегда поставлена в ситуацию ложного выбора? Любой выбор ложен, а сама возможность выбрать иллюзорна. Так в чём смысл и как эти кукольные выборы могут быть честными или нечестными? Marionетки в конечном итоге всегда выбирают очередного Карабаса-Барабаса; лучшее, что может сделать умный Буратино, — это порвать холст иллюзии в очаге каморки папы Карло и уйти за кулисы, где можно обрести внутреннюю свободу, свободу по ту сторону сцены.

Поэтому профессор Рюрик Иосифович Асланян перевёл стрелки, порекомендовав активистам в качестве яркого публичного оратора и потенциального лидера революции своего товарища и коллегу. Этим товарищем был Иван Борисович Ауслендер.

Иван Борисович не был ни ярким, ни потенциальным. По правде говоря, в плане личного образа Ауслендер был скорее эпигоном Асланя-